

Федор Селянин

**ХОЧУ
ОСТАТЬСЯ
НА
ЗЕМЛЕ...**

2017

9.12.623

ЭК

P₂
С 29

Федор Селянин

ХОЧУ ОСТАТЬСЯ НА ЗЕМЛЕ...

СТИХИ

5/4.

КАЧКАНАРСКАЯ
городская С. библиотека
ФИЛИАЛ № 2
г. Качканар
Свердловской области

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
1995

ББК 84Р7
С29

Автор благодарит за участие в выпуске книги:
Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов
Богословский алюминиевый завод
Страховую компанию «Сплав-МИС»
Высокогорский горно-обогатительный комбинат
Фонд милосердия и здоровья «Металлург»

С $\frac{4702010202-020}{M158(03)-95}$ Без объявл.-95 © Селянин Ф. Т., 1995
ISBN 5—7529—1324—1 © Рогожкин С. Б.,
оформл., 1995

Посвящается
горнякам и металлургам
Среднего Урала

* * *

Заблудилась песня в перелеске,
Отдохнуть присела возле пня,
И березка в золотых подвесках
Что-то шепчет ей, листву склоня.

Пчелы песне мед душистый носят,
Гостье муравьи венок сплели.
И, забыв, что наступила осень,
Над поляной кружат журавли.

Тишина. Лишь ветка где-то треснет,
Рядом — поле, спелое жнивье...
На траву легла, как в зыбку, песня,
И ветра баюкают ее.

НОЧНАЯ СМЕНА

Когда в домах огни погаснут,
Царит безмолвье под луной,
На труд нелегкий и опасный
Шахтер спускается в забой.

Здесь каждый час наполнен боем,
Шахтер — отважный человек.
Кто только раз бывал в забое,
В шахтера влюбится навек.

В каких краях я только не был,
Но не встречал, признать пора,
Любви, которой любит небо
Шахтер, идущий на-гора.

С шахтером в пару перфоратор
Уносит песню в дальний штрек.
Земля у нас рудой богата,
Богат талантом человек.

* * *

Отсверкала речка быстрая.
Поздняя погасла радуга.
Разлучили лося выстрелом
С милой, навсегда — не надолго.

Не бродить с подругой
тропами.
Под лучами солнца вешними
За речными поворотами —
Только дали безутешные.

Опустив рога ветвистые,
Лось бредет знакомой кручею,
За увалами лесистыми
Он дождется той же участи.

Отсверкает речка оловом,
Злые оводы отмучают,
А лосей красивых головы
На стене прибьют. Два чучела.

У ПОСЕЛКА КРЮКОВО

Мне бы кедр наш
уральский
обнять,

Опьянев от духмяной
хвои.

...Бушевали лавины
огня,
Когда шли в Подмосковьё
бои...

И с березкой пойти
танцевать
На нарядном уральском лугу.
...В сорока километрах
Москва,

Но пройти их не дали
врагу...
Мне бы с эхом в уральских
горах

Коротать эти летние дни.
...Гордо память о павших
орлах

Обелиск краснозвездный
хранит...

В это утро я снова
иду

По тропинке к
гранитной стене

И о жизни беседу веду
С ними,

павшими здесь,
на войне.

БАЯН

Старый дом. На завалинке бабушка.
Ловит в горсточку пух тополей...

Мне припомнилось детство,

 бабабушка —

Есть ли пляска ее веселей?

 Как плясали в тот памятный вечер,

 Как баян не смолкал до темна...

 Бабым стоном по избам заречным

 Поутру прокатилась война.

Завивался в упругие кольца

Дым мартеновских жарких печей.

Николай-баянист добровольцем

Шел на фронт — без красивых речей.

 У него — ни семьи и ни дома,

 Вот у брата — орава ребят...

 Заявленья на стол военкома

 Положили брательники в ряд.

Эшелон провожали мы рано.

Бабий плач — словно красный сигнал.

И в последний тот раз на баяне

Николай нам «Катюшу» играл.

«Ах вы, сени, мои сени!
Сени новые мои!»
Облетает лист с сирени,
Под Москвой идут бои.

Под Москвой грохочут пушки,
Эхом дребезжат в окне.
Всем теперь беда — подружка,
Вся Россия на войне.

Как давно в родимом доме
Ни блинов, ни добрых щей!
И распродано все, кроме...
Кроме батиных вещей.

В темный шкаф «струмент» задвинут.
Гладит мать рукой гармонь,
Говорит тихонько сыну:
«Ты, Иван, гармонь не тронь.

Ты не тронь, сынок, музыку,
Зря меха не тереби —
Еще долго горе мыкать,
Долго маяться.

Терпи!

Вот придут домой солдаты,
Бог даст, жив придет отец —
Будут с песней наши хаты,
Будет радость для сердец».

«Ах вы, сени, мои сени!
Ах вы, милые мои!»
Как настанет день весенний,
Так и кончатся бои.

Возвратятся в дом солдаты,
Обернется время вспять...
Да одной рукой, ребята,
На баяне не сыграть!

* * *

Высоко над копром,
 среди мерцающих звезд,
Месяц встал на обычную вахту...
Вовка в нашем поселке
 отчаянным рос
И мечтал стать
 забойщиком шахты.
Провожали его мы в то утро
 гурьбой.
Шли на шахту
 по первому насту...
— Эй, не рано ль в шестнадцать
 под землю, в забой?
Отвечал он:
 — Не рано! И — баста!
В разговорах его слышим
 «квершлаг» и «штрек»,
Здесь таинственность каждого слова...
С половодьем весенних
 разбуженных
 рек
Унесло карабели-самопловы...
Эшелоны бойцов на военных
 путях,
Над копром только месяц
 серпастый.
Потрепал на прощанье
 вихры нам
 шутя,
И сказал Вовка: — В шахту! И — баста!
Догорала в атаках за Вислой-рекой
Злая поросль чудовищных
 свастик.

МЫ СОЛДАТЫ ТВОИ, РОССИЯ

Ветер щепки крутил
И, сердитый, бросал
В облака над копром
Кучеватые.

Отступали от шахты
Родные леса.
Как солдаты,
Невиноватые.

Лесовозы на фронт
В сорок первом ушли.
Мамки крепь на плечах
Носили.

Ах, какие же сосны
За шахтой росли!
Отступили.

Отступили, не сдавшись,
В забое легли,
А под Курском снарядом
Рванули.

Ах, какие же сосны
За шахтой росли!
Как солдаты, шагнули
Под пули.

* * *

Кружится лист
 сухой, медненный.
Последний клин зари
 угас,
А я, как юноша
 влюбленный,
Брожу и думаю о вас.
В лесу кузнечик не
 стрекочет.
И не летает
 стрекоза.
Здесь из-за елей, ждущих
 ночи,
Мне ваши видятся глаза.
И голос ваш сюда доносит
Сквозь шум реки
 лесная даль...
И в лес, и в сердце
 входит осень
И пробуждает в них печаль.

Двое немых
на трамвайной
площадке.

Двое парней у толпы на виду.
Наверно, ругают плохие порядки,
Глухую толпу и слепую беду.
А пальцы их рук
беспокойно мелькают
От черных бровей до прикушенных губ.
Возможно, они в этих жестах ругают
И тех, кто им дорог, и тех, кто не люб.

Да, как все случилось, мой друг, неизвестно,
Что, трудной дорогой пройдя невредим,
Порой остаюсь я веселый и честный,
Хотя говорящий, но тоже немый.

На тесной площадке стоят они рядом,
Двое парней у толпы на виду.
Не надо, ребята, браниться, не надо.
Я тоже немой. К вам на помощь иду.

КОТЕНОК

Аэропорт встречал
 огнями синими
И мерзнувшим котенком
 у дверей.
Глаза котенка словно
 бы просили:
Куда же вы? Я мерзну без людей.
Шли люди с чемоданами,
 баулами,
По лестницам сновали
 вверх и вниз.
Вдруг маленькая
 девочка метнулась
И ласково сказала:
 «Кис, кис, кис».
Шли люди мимо
 к гнущемуся трапу,
Раскинув крылья,
 замер самолет.
Котенку девочка
 дыханьем греет лапы
И на руки заботливо
 берет.
Сквозь облака давно
 не видно леса,
Копьем сверкнула,
 падая, звезда.
В салон с подносом
 входит стюардесса
И раздает напитки
 по рядам.
Косички тонкие
 торчали одиноко,

Топорщились усенки
у кота,
Заснул салон под
мерный-мерный рокот.
Баюкала летевших
высота.
Лишь девочка тихонько
что-то пела,
А кот от ласки и тепла
раскис.
Но не котенка, а планету
грело
Дыханье девочки,
шептавшей: «Кис, кис, кис».

КАЧКАНАРСКАЯ
городок 1 С. Динюха
СВЕРДЛОВСКИЙ № 2
г. Качканар
Свердловской области

* * *

В лесу не пахнет медуницей
И не цепляется репей,
Нам осень первые страницы
Раскрыла в книжице своей.

И шмель свое не тянет соло,
И желтый лист летит к ногам,
И только ельничек веселый
О лете вдруг напомнит нам.

Вот и кукушка не кукует,
И спят трудяги муравьи.
И только люди не тоскуют,
А свадьбы празднуют свои.

* * *

Январь — пора каникул
школьных.
И зимний лес ребят
влечет.
Там среди сосен
гладкоствольных
Река хрустальная
течет.
Мороз пощипывает
уши,
Ребятчи щеки —
как в огне.
Там старый дятел любит
слушать
Их спор и хохот
на лыжне.
Зима прекрасная пора;
Лес в куржаке, снега сверкают.
И с неба медленно стекают
На землю капли серебра.

* * *

Раньше думал: дупло это было.
Но с годами, пожив, уяснил!
Другу сердце береза раскрыла,
А закрыть —
не хватило ей сил.

ПРОЩАНИЕ

Знаю, долго мне не целовать
Губ твоих над речкой вересовой.
Но твои прощальные слова
Песню мне напоминают снова.

Мы с тобою были — два крыла, —
Так легко ловили встречный ветер!
Как парили, как нас жизнь несла,
Как нас каждый день удачей метил!

Мы у комсомольского костра
На таежном Северном Урале
О грядущем городе мечтали,
Песни наши пели до утра.

Пусть разлуки в мире суждены —
С этим, что ж, приходится считаться,
Нам с тобой не страшно расставаться,
Мы с тобой навек обручены.

Желтым клином в озерную просинь
Лес уткнулся и громко вздохнул...
Изумрудная юная озимь
Вдруг напомнила лесу весну.

...Птицы звонкие песни запели,
С косогора помчался ручей.
Снова старые гордые ели
Молча слушают крики грачей.

И упали в озерную просинь
С неба шлейфы далеких комет...
Но холодными ветрами осень
Раскрывала ворота зиме.

Плат нарядный под ветрами сбросив,
Отойдет лес надолго ко сну.
Ах, зачем изумрудная озимь
Вдруг напомнила чем-то весну.

* * *

У голубой излучины
Костры сверкают искрами.
Зачем меня ты мучаешь,
Так ранишь, словно выстрелом.

Зачем тебе поверила.
Любовь была невечная.
Я на себе проверила,
Что счастье быстротечное.

Здесь вновь ветвями-свечами
К реке березка свесится.
С другой гуляешь вечером
Под этим самым месяцем.

Шумит волна прибрежная,
Камыш тугой качается.
Ты ей признанья нежные,
Она с тобой прощается...

Вновь над тайгой зеленою
Костры сверкают искрами.
Душа моя влюбленная
Грустит, как речка быстрая.

Я помню тихий старый двор
родного дома,
Тайгу вокруг и цепи гор,
давно знакомых.
А во дворе у нас росла
среди верб
березка,
Вздыхая к небу два ствола,
как крылья,
к звездам.
Я к ней, к березке, с детства нес
свои обиды —
Никто моих не видел слез
и глаз не видел.
Там, где скрывается тропа,
где лист навесом,
Я под березкой засыпал
под песни леса.
Качались мерно два крыла, в размахе —
сила.
Сюда с работы мама шла,
меня будила.
Березу эту
мать родной в семье считала,
И что-то тихо ей одной
она шептала.
Война прошла.
В другом краю
мы с мамой жили.
Березку белую мою
давно срубили.
А жизнь не радости одни несла
беспечно...

Огонь у матери в окне
погас навечно.
Но и сейчас случись в тайге —
засну в надежде,
Что мать с березкой стерегут
мой сон, как прежде.

* * *

Подружились туча с тучей.
Их разлукой ветер мучил.
Наконец они сошлись.
Слезы градом полились.
Так и плакали в тени.
Так растаяли они.
Им бы с вихрями дружить —
Было б яростнее жить.

Года бегут, чем дальше, тем быстрее.
Ничто не остановит этот бег.
Едва-едва поля зазеленеют,
Как вновь на них ложится белый снег.

Чем старше мы, тем в памяти сильнее,
Отчетливее прошлое встает.
И видится, то корью мы бодем,
А то на речке строим новый плот.

Я ж с каждым годом вспоминаю чаще
Одну-одну. И нет ее родней.
И как мне не хватает в настоящем
Тех прошлых чувств, тех светлых слов о ней.

Глаза ее горели светом синим
И локон светлый на ветру дрожал.
Она была нежна, как первый иней,
Как детский смех, волнующе свежа.

Года бегут, чем дальше, тем быстрее.
Ничто не остановит этот бег.
Едва-едва поля зазеленеют,
Как вновь на них

ложится

белый снег.

По асфальту мальчишка топает,
Обгоняет счастливую мать.
Я ж как вкопанный встал у тополя,—
Век стоять бы да вспоминать!

Как тропой в глухомани завьюженной
Уходил в погоню наряд,
Как, бандитским обрезом разбуженный,
По тревоге вставал отряд.

Как палатки в тайге растревоженной
В первый раз поднимал у горы,
Как напор, на отвагу помноженный,
Вел нас хоть в растар-тарары!

Здесь теперь, словно птица гордая,
Город крылья над кручей простер.
Путь его — от палатки до ордена —
Озарил комсомольский костер.

И под кроной весеннего тополя
Я не в силах не вспоминать...
По проспекту мальчишка топает.
А за далью —
 костры опять.

Скала стояла на ветру,
Тайга шумела.
Отряд собрался поутру
Веселых,

смелых.

Здесь, на высоком берегу,
Стояли тесно.

И разбудил отряд тайгу
Задорной песней.

«Дан приказ ему на запад»,—
Кто-то запевал.

— Эй, дружок, прошу не лапать,
Не на ту напал!

— Ты смотри-ка, недотрога,
Уж нельзя задеть.

— Отвяжись ты, ради бога,
Не мешай нам петь!

— Я ж женюсь...

— Такого мужа
Встречу утюгом!

Ты опять?! —

И парень в луже.

Смех кругом.

И опять над старым бором
Песне плыть-звучать...

— Здесь, ребята, будет город!
Нам и начинать!

Нам закладывать основу,

Здесь нам до поры

Дом — палатка, пища — слово,

Други — топоры!

Что умолкли, запевалы?

Или страшно вброд?

Взяли речку! И — к увалам:
Смельчаки, вперед!

Шел отряд тропою горной,
Шириной с вершок,
И смеялся всех задорней
Мокрый «женишок».
Высоту мы штурмом взяли,
Ноги — до крови...
Тот увал потом назвали
Сопкою Любви.

Дождь накрапывал. Темнело.
Лес притих, уснул.

Кедр-подросток неумело
Обнимал сосну.

Золотистых ягод гроздья
Спрятались в листве,
Шел спокойно ежик в гости
По сырой траве.

Над увалом ветры хватки...
Мы прибили флаг
И поставили палатку —
Первый особняк.

* * *

Ты нам в видениях прекрасных
Казался дивным, неземным.
О, город наш! Придя из сказки,
Ты стал реальным и родным.
Ты в дневниках был и в конспектах,
Вставал мечтою среди стуж,
И широта твоих проспектов
Сродни размаху наших душ.
Ты весело взбежал на кручи,
Чтоб встретить солнечный восход.
И у плечей твоих могучих
Уральский — гордый! — разворот.

* * *

Никто-никто не упрекнет меня,
Что в жизни я опасностей боялся.
И, повзрослевшим выйдя из огня,
Я, как ребенок, искренним остался.
О жизнь! Поток твой яростный носил,
Бросал меня и в сердце бил с налету.
И если скажут в будущем: «Он жил»,
То, значит, я боролся и работал.
В дни трудные быстрее распознаешь,
Кто недруг наш,— он в эти дни виднее...
В палатку гулко колотился дождь.
А небо все темнее и темнее...

* * *

Открылось мне незримых звезд свеченье,
И всплески волн галактики иной,
И времени особое течение,
И дождь метеоритный, неземной.

Я на Земле — как в сказочном ковчеге:
Один; кругом лишь небо и вода.
Планеты мимо в яростном разбеге
Прносятся в неведомую даль.

Ковчег сквозь рой созвездий пролетает,
Ковчег плывет по огненной реке...
Рассказы Грина дочка вслух читает
И засыпает с томиком в руке.

1945 ГОД

В районе старого вокзала,
Когда черемуха цвела,
Она с солдатом танцевала,
Да не кружилась, а плыла.
Все разошлись. Они остались.
Друг друга видят без огня.
Два рукава пустых болтались,
А ей казалось: он обнял...

ХОЧУ ОСТАТЬСЯ НА ЗЕМЛЕ

Зеленеют листья тополей,
Заливает солнце площадь
светом.

Я хочу остаться на земле,
Дружбой человеческой
согретой.

Не живу в довольстве
и тепле,
Край любя таежный и
зеленый,

Я хочу остаться на земле,
Мужественной, ласковой, влюбленной.

Знают все: в походе веселей
С песней

на подъемах и уклонах.

Я хочу остаться на земле.

С песней комсомольских батальонов.

Тишина пройдетя вдоль аллея,

И дорогу день уступит ночи.

Я хочу остаться на земле,

Той, что нам бессмертие пророчит.

ОСЕННИЕ

Прошла пора, когда гроза
Играла огненными стрелами.
Стеклянным утром стрекоза
Последней, видимо, взлетела.
Да над засохшей лебедой
Какой-то жук еще трудился.
В саду подсолнух молодой
Так запоздало золотился.
Светило солнце, но лучом
Оно поля уже не грело.
А стрекоза осенним днем
К нему летела и летела.
Лишь незадолго дотемна
Полет стремительный сдержала,
И на подсолнухе она,
Расправив крылья, остывала.
Мне не забыть ее глаза
И их блестящего овала.
Казалось:
 солнце целовала,
Прощаясь
 с летом,
 стрекоза.

ЛЕТНЕЕ

Ласточки, как звезды,
Падают с небес.
Старый коршун грозно
Взмыл наперерез.

Ласточки бесстрашно
Вновь взлетают ввысь,
И над старой башней
Крики их слились.

Слышен гром далекий.
В небе схватка туч.
Птиц полет высокий
В край, где солнца луч.

Улетел ворчливый,
Старый коршун в лес.
Льется птиц счастливых
Смех из-под небес.

В ДЕРЕВНЕ ВЯЗОВАЯ

Дождь землю поливает
Ну просто из ведра...
В деревне Вязовая
Осталось два двора.

Стоят домишки боком
На разные углы,
У тополей высоких
Потрескались стволы.

Живут в деревне этой
Старуха и старик,
И ни зимой, ни летом
Не встретишь вместе их.

Рассыпал гром раскаты
Над крышами дворов.
Старик хоть глуховатый,
Но все еще здоров.

Он мне открыл защелку:
Входи, мол, будешь гость.
Снять сапоги недолго
И кинуть плащ на гвоздь.

Дед у печи хлопочет,
Рябиновку несет...

Спросил я между прочим:
«В соседях кто живет?»

Спросил да и заметил:
Старик, как бы со сна,
Рассеян стал, ответил:
«Да так себе, одна...»

Дождь колотил в ворота
Час от часу сильней.
Я женщину на фото
Увидел на стене:

Под свадебной фатою
Веселые глаза...

А в поле за рекою

Все плакала гроза.

Я был почти уверен,

Спросил: «Дедусь, жена?»

Но дед — в своей манере:

«Нет, так себе, одна».

Сквозь ливни грозовые

Иной я вижу новь.

Пока сердца живые,

В них будет жить любовь.

Дождь землю поливает.

Ну просто из ведра.

В деревне Вязовая

Осталось два двора.

* * *

Звени, звени сильнее, капель,
И радуй, радуй старый тополь!
В волшебных сапогах апрель
По речкам весело протопал.

Уже с разбуженных полей
Взлетают запахи парные,
И вновь на ветках тополей
Щуры резвятся озорные.

Нетерпеливая весна
Распахивает далее просинь.
В ручье кораблик мчит волна
И на простор реки выносит.

Давиду Яковлевичу Лившицу

Серебрится тайга паутиной развилок,
Ветви сосен мороз куржаком прихватил,
И гремит под луной серенада дробилок —
Качканарских мелодий боевой лейтмотив.

Качканар, Качканар! Ты — и знамя, и мерка,
Ты и веры экзамен, и силы проверка.
Трижды славен, кто юность свою начинал
С комсомольского дела, с тебя, Качканар!

Даже тот, кто не мерз под твоими пластами,
Кого странствия ветер лишь на день занес,
Тот тебе, Качканар, либо сердце оставил,
Либо в сердце с собою навеки унес.

Мы же — те, кто прошел до конца от Начал, —
Биографией стали твоей, Качканар!

НА ЛЕСОПОВАЛЕ

Грустит, грустит зеленый лес,
Склонив к реке берез вершины,
Здесь умирает добрый бес
Под звон пилы и шум машины.

На штурм оврагов бес водил
Полки отважных малолеток
И, между прочим, нас учил
Не рвать черемуховых веток.

Забавный спутник давних дней,
Мы не обижены судьбою,
Но и не встретили нежней
Любви, подаренной тобою.

Грусти, тоскуй зеленый лес,
Склонив к реке берез вершины,
Здесь умирает добрый бес
Под звон пилы и шум машины.

УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Савватеевой В. П.

Студеный ветер декабря
В лицо кидал ей хлопья снега.
Нас отрывал от букваря
И от походов печенегов.

Она голодный наш отряд
Водила лес рубить для школы,
Да, пятиклассников-ребят
За восемь верст в жестокий холод.

Однажды в том лесу она
От глаз укрылась посторонних...
Как снег на головы,
 война
Кидала горечь похоронок...

МАТЬ

Я помню мамин старый плед
И вечные ее заботы.
Я помню, как глядела вслед,
Нас провожая на работу.

И как за кухонным столом
Под вечер ласково встречала.
А за рассказом о былом
Нас угощала, угощала.

На свете жил кавалерист;
Водил в атаку эскадроны.
И образ парня юн и чист,
Как эта память о влюбленных.

Война жестокая была,
А у войны свои законы.
Та часть с боями отошла,
И не вернулся эскадронный.

И мать моя ушла с другим,
Таким веселым и чумазым.
Он ею был всю жизнь любим,
Не обижал ее ни разу.

Я в этот мир с мальцов влюблен.
И ненавижу ложь и пошлость,
Коль доброй женщиной рожден
И светлой памятью о прошлом.

И при отце не раз она
О днях далеких говорила.
Как шла гражданская война,
Как эскадронного любила.

* * *

Опавшие листья,
 листья шафранные,
Осенние ветры кружат
 и несут.
И звуки негромкие, нежные,
 странные
Рождаются в старом
 притихшем
 лесу.

Заснул муравейник, всегда
 беспокойный,
В замшелой колоде запрятался еж.
И кажется мне, что красивая,
 стройная
По тропкам знакомым
 со мной ты
 идешь.

Осенние листья, листья
 шафранные,
Холодные ветры несут
 и несут.
А звуки негромкие, нежные,
 странные
Твой голос напомнят
 в предзимнем
 лесу.

ПРИДАНОЕ

Ах, отвалы мои
 колчеданные,
Старый милый
 шахтерский копер!
Дочке город
 оставлю в приданое
И бескрайний уральский простор.
Не дарить мне
 машины и дачи:
За всю жизнь — и рубля не сберег.
Подарю я ей
 ветер удачи
И упрямство
 для дальних дорог,
И костры, что веселыми искрами
Озаряют росистую рань...
Будут песни будить,
 словно выстрелы,
В заколдованном сне
 глухомань.

Ах, отвалы мои
 колчеданные,
Старый друг мой — шахтерский
 копер!
Есть ли в мире
 дороже
 приданое,
Чем наследство разбуженных гор.

СОДЕРЖАНИЕ

«Заблудилась песня в перелеске...»	3
Ночная смена	4
«Отсверкала речка быстрая...»	5
У поселка Крюково	6
Баян	7
«Ах вы, сени, мои сени!...»	8
Ровеснику	10
«Высоко над копром...»	11
Мы солдаты твои, Россия	13
Кружится лист сухой, медненный...»	14
Двое немых на трамвайной площадке...»	15
Котенок	16
«В лесу не пахнет медуницей...»	18
«Январь — пора каникул школьных...»	19
«Раньше думал: дупло это было...»	19
Прощание	20
Лошадь	21
«Желтым клином в озерную просинь...»	22
«У голубой излучины...»	23
«Я помню тихий старый двор родного дома...»	24
«Подружились туча с тучей...»	25
«Года бегут, чем дальше, тем быстрее...»	26
«По асфальту мальчишка топает...»	27
Стройотрядовцам	28
«Скала стояла на ветру...»	29
«Ты нам в видениях прекрасных...»	31
«Никто-никто не упрекнет меня...»	32
«Открылось мне незримых звезд свеченье...»	32
1945 год	33
Хочу остаться на земле	34
Осенние	35
Бельчонок	36
Летнее	37
В деревне Вязовая	38
«Звени, звени сильнее, капель...»	40
«Серебрится тайга паутиной развилок...»	41
На лесоповале	42
Учительнице	43
Мать	44
«Опавшие листья, листья шафранные...»	45
Приданое	46

Селянин Ф. Т.

С 29 Хочу остаться на земле...: Стихи.—
Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во,
1995.— 48 с.

ISBN 5—7529—1324—1

2000 экз.

Новый сборник лирических стихов уральского
поэта.

С $\frac{4702010202-020}{M158(03)-95}$ Без объявл.-95

ББК 84Р7

Селянин Федор Тимофеевич
ХОЧУ ОСТАТЬСЯ НА ЗЕМЛЕ...

Редактор М. А. Федотовских
Художник С. Б. Рогожкин
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректоры Т. Г. Калугина, М. Ф. Худякова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010020,
выдана 17.09.91.

ИБ № 108

Сдано в набор 11.07.95. Подписано в печать 31.08.95.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарни-
тура журнальная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,8.
Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 2 000. Заказ 286.

Акционерное общество открытого типа «Средне-Ураль-
ское книжное издательство», 620014, Екатеринбург,
ГСП-351, Малышева, 24.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский
рабочий», 620219, Екатеринбург, Тургенева, 13.

Уральский поэт Федор Селянин - автор книги "Сердце на скале" (1988) и многих стихотворных подборок, печатавшихся в столичной и уральской периодике. Стихи нового сборника обращены к трудному военному детству и романтике молодого созидания, к первой любви и строгой поре душевной зрелости.

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное
издательство
1995